

УДК 39:332.122(470.345)

А.С. СОЛДАТОВА, аналитик

АНО Центр науки, аналитики, образовательных и социальных технологий
«Научный ресурс», г. Саранск, ул. Коваленко, 30
Электронный адрес: anasoldatova@mail.ru

Е.В. ШИРМАНОВ, аспирант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»,
г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Электронный адрес: ev-gen.shirmanov@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО, ЭТНИЧЕСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО В ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ МОРДОВИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹

Идентичность – собирательный концепт, монтируемый из различных уровней, которые, в свою очередь, складываются из наполняемости реальными фактическими практиками матрицы групп первичных источников идентификации (гендерной, профессиональной, религиозной и т.д.). В связи с этим важность приобретает проблематика соотношения различных компонентов в конструкте идентичности, или в терминологии З.А. Жаде – «множественной» или «интегральной» идентичности [2]. Вопрос актуален при изучении российской практики, где формирование национальной идентичности

представляет сложный и противоречивый процесс, от успешности которого зависят условия существования и развития страны. Особой значимостью и сложностью отмечена проблема становления идентичности в регионах России. И не только в рамках «национального» и «регионального», но и в вопросах конфигурации этнической и региональной идентичностей.

В статье приводятся результаты прикладного исследования – материалы серии фокус-групп в Республике Мордовия, проведенных в ноябре 2014 года. Рассмотрена территориальная идентичность жителей региона, анализируется соотношение уровней: общенационального, этнического, регионального. Авторы приходят к выводу, что уровень системы идентичности «мы – жители России» превалирует в конфигурации уровней жителей изучаемого региона. Поволжье слабо отражено в символической системе идентичности жителей Мордовии. «Этническое» (мордовское) является основой для региональной системы идентичности жителей Республики Мордовия, в том числе для русских и переехавших в регион людей.

Ключевые слова: идентичность; общенациональная идентичность; этническая идентичность; региональная идентичность; символ; символическая политика; брэнд; логотип; вернакулярный район; территория; регион

¹ Статья выполнена в рамках социально значимого проекта «Ценности и символы государственно-гражданской идентичности современного российского общества: локальное измерение (на примере ПФО)». При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 г. № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

Авторы разграничивают эти два вида идентичностей, так как видят в этих феноменах разные основания, механизмы формирования и отождествления. Этнический уровень – «разумеющаяся данность», которая базируется на естественном восприятии «своей» общности. Она определяется моментально, с рождением, и «включается» культурным окружением. В отличие от этнической, региональная идентичность в обобщенном виде задается двумя базами, которые вписываются друг в друга, – социальным самочувствием и спецификой территории. Согласимся с М.Н. Губогло, который относит к перечню «продуктов» региональной идентичности «качество жизни, инфраструктуру, образование, здравоохранение, работу, участие в общественно-политической и культурной деятельности» [1, с. 183]. М.В. Назукина представляет их как «уникальный “набор” проявлений региональной идентичности в содержательном выражении и дискурсивных практик, конституирующих региональную самость» [4, с. 18].

Оба этих уровня локализованы и регулируются в большей степени коммуникативными, а не нормативными установками и представляют собой политическую общность с собственной «обособленной» системой ценностей.

Вероятно, у жителей неоднородных по национальному признаку регионов России (если мы не рассматриваем феномен русской этничности) присутствуют оба уровня. Это соотношение составляет базу как для общенациональной идентичности, так и для возможностей регионального развития. Первое обуславливается основным посылом для вхождения в более «масштабный» социум, второе – способами и формами самоорганизации территории.

Для фрагментации и детализации проблематики выбрана Республика Мордовия и ее административный центр Саранск, где проживает треть всего населения. Как и другие города Поволжья, он представляет собой тип небольших городских пространств – провинций со сходной для большинства российских городов социальной, политической и культурной средой, демонстрирующих общие тенденции в формировании и развитии политической идентичности. Вместе с тем Саранск, как и многие подобные города Поволжья, специфичен. Его жители обладают разными этническими и конфессиональными идентичностями, объединяя на своей территории русских, мордву, татар, украинцев, армян.

Наиболее измеряемыми в контексте проблематики являются отраженные в массовом сознании символы идентичности – социальные конструкты, способствующие возникновению ощущения сопричастности, ориентации на принятие ценностей, включению в жизнь социальных групп. Декодирование их элементов с помощью самого человека – своего рода возможность понять его смысловое значение, проанализировать ценностные ориентации, а также отследить реакцию на целенаправленные мероприятия по формированию того или иного уровня территориальной идентичности.

С этой целью коллективом исследователей была проведена серия фокус-групп в рамках социально значимого проекта «Ценности и символы государственно-гражданской идентичности современного российского общества: локальное измерение (на примере ПФО)».

Для эффективного исследования в республике отбор жителей Саранска

осуществлялся по следующим критериям: 1) проживание в Саранске (с рождения, до 1 года, до 5 лет, до 10 лет, более 20 лет); 2) определенная национальная принадлежность (мордвин (мордовка) (около 50%), русский (русская) (около 40%), татарин (татарка) (около 10%); 3) принадлежность к различным социальным группам.

Опорным материалом для исследования явились символьные системы идентичности. Символы были разделены для анализа на

– «символы государственной власти», которые чаще представлены территорией, гербом, флагом, гимном;

– «гражданские символы»: брэнды гражданских проектов, исторические события, культурные деятели, торговые марки и проч.

Также выделены «специфические элементы» в структуре символики жителей Мордовии:

– символика «этноса» (например, мордовский национальный орнамент, восьмиконечная розетка, финно-угорский символ солнца, бордовый (моренный) цвет и иные солярные символы);

– символика «региона» (логотипы учреждений и предприятий, товаров, мероприятий и др.).

Для исследователей были интересны представления жителей о своем месте обитания, границах т.н. вернакулярного района. Специалисты часто соотносят эти границы с территорией Поволжья. Так, например, Р.Ф. Туровский выделил Поволжье в ряду таких макрорегионов России, как Центр, Север, Юг, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Причем, по мнению автора, это «деление было отражено в советских экономических районах, которые имели неплохой культурно-исторический смысл» [5, с. 155]. Поэтому анализу подверглась и символическая система идентичности уровня «мы – жители Поволжья».

Соответственно целям исследования все демонстрируемые символы были разделены на тематические блоки.

Блок «символы России» получился одним из самых дискуссионных. Оценки государственных символов: герба и флага, – оказались достаточно ожидаемыми. С одной стороны, официальная государственная символика – атрибут отождествления себя с Россией: «...как-то встаешь утром и смотришь, и чувствуешь себя частью России»; или «... он [герб] вызывает смятение. Герб и не должен вызывать чувство радости или еще что-то, он отражает нашу страну и он вызывает гордость, в то же время какое-то опасение, что ты можешь сделать что-то не так, навредить стране, поэтому больше это чувство ответственности». При этом он включает национальную идею и ее смыслы: «Тут [на гербе] установление справедливости, то величие, к которому мы должны стремиться. Зло на нем побеждено, и мы должны к этому стремиться. В этом смысл этого герба».

С другой стороны, ассоциации сразу приводят к размышлениям о власти имущих и отождествлению «государственного» с политиками и чиновниками. Показательной является дистанцированность от государственных и политических институтов власти. Формирование более широкого уровня – социальной идентичности, вероятно, проходит в том числе и через объединение государственных чиновников и политиков в группу «они», «другие». Так,

один из респондентов о гербе РФ сказал: *«Видишь символику, и сразу вспоминаются довольные сытые лица политиков и государственных деятелей, они там собираются на послание»*. Тогда как в группу «мы» включаются другие группы: *«А вот образ простого россиянина или огромного количества россиян, заводчан, студентов и преподавателей не возникает»*. Данное высказывание может сигнализировать о переадресации негативного отношения и противопоставления «нам» общенационального, связанного с государственными интересами («их» интересы).

Наиболее обсуждаемым стал вопрос о соотношении «имперских» и «советских» элементов официальной символики, который перешел в плоскость видения истории и наследия двух эпох. Прослеживается отторжение и той, и другой систем символов «прошлого» (заметно не коррелирует с возрастом участников): *«нужно убрать какие-то имперские символы, Россия ведь демократическое государство»*; *«к советским символам по-разному отношение складывается, я вижу в них негатив»*, и проч.

Рис. 1. Демонстрируемая на фокус-группе схематическая карта России

Участники фокус-группы отказались рассуждать на тему вариантов внесения изменений в государственную символику, дискуссия безальтернативно сошла на нет после реплики одного из участников: *«Герб – это та вещь, которую, как Родину, не стоит и даже не нужно выбирать. Мы с вами говорим не о каких-то брэндах, это ведь не брэнд. Это герб»*.

Демонстрация схематичной карты Российской Федерации вызвала ряд прогнозируемых вопросов респондентов: *«Почему на карте нет Крыма?»*, *«Учтен ли Калининград?»*, а также комментарии по поводу недостатков в части содержания карты, например об отсутствии на карте государств-соседей: *«Что у нас нет окружения, вы это имеете в виду? Что мы в изоляции и нам никто руки не подаст?»*, но и одобряемый всеми участниками ответ: *«А мы всегда так жили, и нас это никогда не смущало»*. Стоит уточнить, что данное фокус-групповое исследование проходило в ноябре 2014 г., во время «второго пакета» санкций против России, из чего можно заключить, что данное событие могло сказаться на направленности дискуссии. Вопрос об изоляции стал

достаточно острым и вызвал неподдельный интерес всех участников. Однако можно было проследить и включение адаптивного механизма к ситуации – через «возвращение» к самобытности и самоорганизации.

Выявлено особое отношение к России «военно-оборонительной». Тема Великой Отечественной войны становится опорной в государственно-гражданской идентичности, через нее происходит прямой отсыл к патриотизму, и, наоборот, при обсуждении темы патриотизма респондентами моментально поднимается тема «великих подвигов дедов».

На вопрос о том, на что может побудить государственная символика, мнения сходились на общепринятом «я в армию пошел», «налоги плачу» и др. В основном были отражены только конституционные обязанности. Довольно показательными были ответы следующего типа: *«приходится ходить на митинги и всякие мероприятия. И я бы был согласен, но ведь сгоняют не на добровольной основе»*. Как и в предыдущем блоке, красной нитью, проходящей через все понятия об истинно гражданских действиях, являлась тема Великой отечественной войны: *«Это, смотря какие праздники бывают. Есть 9 Мая. Тогда гордостью наполняется душа, когда видишь флаг»*. В этой тематике отражается стремление быть частью этой истории: *«...ассоциируется с какими-то нашими победами. Видишь такие страдания и борьбу народа, частью которого ты являешься»*.

Наиболее часто упоминаемые символы-ассоциации «российскости» выстроились в смысловые цепочки. Набор достаточно стандартный, однако интересна сама последовательность воспроизведения ассоциаций: 1) символы властно- и персоно-идентичности (термин, обоснованный Н. Петровым [3]) (Путин, Кремль (как место локализации власти); 2) государственные символы (флаг, герб); 3) символы-клише (медведь, балалайка, водка); 4) характеристики территории (большая, холод, морозы).

Обсуждение перечня символов показал некоторые существенные тенденции в видении обществом «себя». Проводя аналогии с медведем как традиционным символом, респонденты отмечали как «добродушие», так и «ярость». Хотя ярко заметен тот факт, что «медведь» переходит из плоскости идентификации с Россией в политизированную плоскость, однозначно воспринимаемая как логотип политической партии «Единой России», и приобретает специфичный оттенок восприятия.

Рис. 2. Демонстрируемое на фокус-группе олимпийское лоскутное одеяло (элемент визуального образа Сочи-2014)

Еще один затронутый в дискуссии символ – «лоскутное одеяло».

Считывание его происходит с точки зрения отождествления с многонациональностью, которая воспринимается с положительным знаменателем. Например, респондент замечает *«...мы разные, при этом мы добрые, потому что одеяло – это то, что укрывает»*. И даже просматривается запрос на российскую специфику: *«...можно было бы даже показать через лоскутки разные национальности, что проживают на нашей территории, это было бы правильно»*.

Конструкт «нашего» героя «нашего» времени собирался из двух противоположных систем ценностей, в объяснениях респондентов – тот, образ которого насаждается, и одобряемый «россиянин». В первом случае логика такова: *«... мы многое из Запада берем, поэтому этот человек – это успешный бизнесмен»* или *«... в основном у нас ориентировано все на получение дохода, чем больше у человека денег, тем больше у него влияния»*. Общественно одобряемый и признаваемый в качестве образца – россиянин *«справедливый, сильный, миролюбивый, ответственный, добротный»*, его социальная роль – *«простой рабочий»*.

Далее обсуждался блок с вопросами о региональной символике. Отражение локального уровня идентичности как любви к своей «малой Родине» отчетливо удалось проследить через определение понятия «россиянин». Один из респондентов указывает: *«...тут у меня возникает образ моих родителей, моих предков. То, что они родились здесь, жили, строили настоящее свое и будущее своих детей»*. Тогда как второй опрашиваемый, наоборот, проявляет свою общенациональную идентичность: *«Я – гражданин России, а Россия – это величие»*.

Опрос показал, что символы региона наиболее встречаются (запоминаются) участникам на мероприятиях, где символика носит «побочный» характер. Вместо классических вариантов (торжественные мероприятия, государственные и региональные праздники, здания институтов власти и учреждений) были названы спортивные соревнования, новостные программы на телевидении, орнамент одежды, символ технопарка, брусчатка на площади и др. Интересно тот факт, что, даже разбирая региональные символы, респонденты отвечали, что связывают их с В.В. Путиным, его визитами в республику, отмечая, что символика чаще выказывается именно в такие дни.

Понимание официальных региональных символов не всегда совпадало. Однозначно узнаваемы в гербе Республики Мордовия символы, отражающие тяготение к сельскому хозяйству как вектору хозяйственного развития: *«... сельское хозяйство у нас в символике, ну и еще охота разрешена»*, *«тут колосья, это говорит о том, что у нас земля плодородная»*. Меньше известны детали, связанные с соляными знаками (используемые у финно-угорских народов).

Плохо узнаваемы символы советского периода (кроме участников старше 40). Однако они легко считываются.

О гербе Саранска советского периода (утвержден в 1967 г.): *«...это символ преобразователей, то есть это “Электровыпрямитель” и ламповый завод “Светотехника”*; *«...тут у нас отражена вся наша основная промышлен-*

Рис. 3. Герб Республики Мордовия

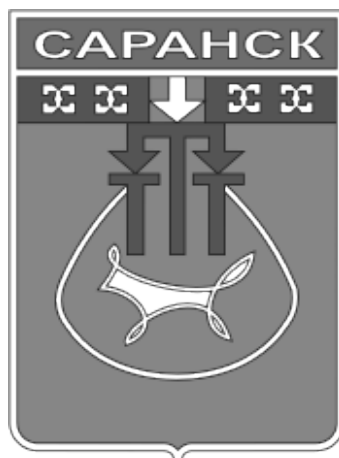

Рис. 4. Советский герб города Саранска

ность, лиса вот из вольфрамовой проволоки»; «...мы тогда были столицей света».

Отношение к колориту региона складывается из внешнего и внутреннего измерения. Если вопросы касались оценки этнических символов и логотипов, содержащих их составные элементы, то ответы начинали носить характер неодобрительности излишнего размаха их демонстрации: «...ну очень сильно бросается в глаза»; «...слишком какое-то аляпистое»; «...красное, разухабистое». Но если те же самые вопросы задавались в плоскости представления региона на общероссийском и международном уровнях, то это «национальное» виделось «уникальным». Один из респондентов так оценил ситуацию: «...и как здесь нам легко, все есть, костюм есть, особенный, уникальный, ни у кого такого нет. Пожалуйста, выезжай, показывай, рассказывай о себе».

В рамках этой тематики был поднят вопрос о допустимом соотношении «республиканского» и «общенационального». В целом были высказаны две точки зрения. Первая часть респондентов одобрила демонстрацию регионального только на уровне общероссийского. Остальные участники склонялись к мнению, что даже на уровне государства не всегда уместно быть отдельной единицей со своим символично-смысловым полем, а только тогда, когда многообразие – основной лейтмотив соответствующих мероприятий. Например, подобные выражения: «...потому что у страны есть свои официальные символы. Если каждый будет со своими символами, то что тогда?»; и первое мнение: «...если мы говорим о том, что это какое-то официальное представительство, они [символы] должны представлять и ассоциироваться с Россией»; «...нужны какие-то единые символы, чтобы показать, что Россия единый народ, и у нас есть символы, которые объединяют, в принципе, всю страну». Правда, многие признали, что вряд ли за границей или даже в отдаленных регионах представляют, где находится Мордовия, тем более способны узнать ее по символике. В данном контексте регионализм если и находит свое выражение в республике, то скорее является сугубо культурным: «...нужно чаще показывать свою уникальность. Я имею в виду, что в России единствен-

Рис. 5. Эмблема исторического праздника 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства (отмечался в 2012 г.)

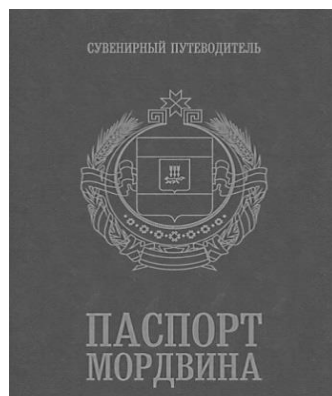

Рис. 6. Сувенирный путеводитель по истории и культуре мордовского народа «Паспорт мордвина»

ное должно быть – многообразие, вот это самое главное. Каждый народ тут должен чувствовать себя комфортно, так Путин говорил даже».

Отношение к празднованию 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, которое отмечалось в Мордовии в 2012 г., выступает своеобразным индикатором понимания жителями республики своей «множественной» принадлежности и идентичности.

При обсуждении символов события считывания были разнообразные. В основном дискуссия строилась вокруг темы о связи региона с другими и о его роли в развитии страны. Мордовия представлялась как отдельный регион со своими традиционными коммуникационными связями, как корабль между Волгой и Окой, взаимодействующий с соседями по берегам рек, а также как часть России, где российское государство, в состав которого входит Мордовия, и есть ладья и она движется в определенном направлении.

По мнению респондентов, презентационный сувенир из Мордовии – это мордовский («этнический») сувенир или набор продовольственных продуктов, который, в принципе, можно рассматривать как региональный (по виду специализации хозяйства в регионе). Наиболее удачными сувенирами из Мордовии участники считали мордовский бальзам, местные конфеты и сгущенку, сырокопченые изделия: «...колбаса и сгущенка – наши бренды в продовольственном мире»; «...наша сгущенка на самом деле самая лучшая, она всех приводит в восторг и стоит всего ничего трехлитровая банка». Вместе с тем, кроме продовольственных товаров, назывались подарки, отражающие этнический колорит: паспорт мордвина, футболка с надписями на мордовском языке, мордовские куклы и шкатулки.

Наблюдателям удалось уловить элементы персоно-идентичности на уровне региона, сформированной вокруг фигуры экс-главы республики Н.И. Меркушкина. Участниками фокус-групп наличие сильного лидера было

увязано с особенностями древнемордовского народа, в том числе проведены аналогии с Тюштей (легендарный мордовский царь, с его именем связаны представления о возникновении, становлении и гибели древнего объединённого мокшанского и эрзянского государств). Меркушкина отождествляли с самым ярким представителем этноса, приписывая ему честь возрождения региона и его административного центра: «...конечно, любого спроси. Потому что люди, которые приезжают сюда, видят город, какой он позитивный, чистый, нормальный город. Так что он [Меркушкин] – хороший наш символ».

Символьно-смысловая система Поволжья оказалась мало знакома участникам фокус-группы. Из представленных логотипов (Молодежный форум ПФО «iВолга», региональная экологическая фотовыставка «Среда обитания. Живая Волга», площадка молодежных субкультур Поволжья, рок-концерт «Рок над Волгой» и др.) участники (более младшего возраста) с трудом идентифицировали только форум «iВолга». По мнению самих респондентов: «...а что, эти символы с таких серьезных мероприятий?»; «...странно, мне они совсем не знакомы». Скорее всего это результат отсутствия целенаправленных шагов и мероприятий по формированию поволжской территориальной идентичности. Также причиной может являться слабая включенность республики в общеповолжские мероприятия. Но, с другой стороны, последующая за показом символов дискуссия частично подтвердила отсутствие «народного» признания Поволжья как своего вернакулярного района.

Подведем краткий итог, настолько, насколько позволяет это сделать выбранный нами прикладной метод исследования проблематики.

1. Уровень системы идентичности «мы – жители России» превалирует в конфигурации уровней жителей изучаемого региона.

2. «Этническое» (мордовское) является основой для региональной символично-смысловой системы идентичности жителей Республики Мордовия, в том числе для русских и переехавших в регион жителей.

3. Отношение к «этническому» (национальному колориту региона) складывается из нескольких измерений. Жители довольно критически оценивают излишнюю трансляцию и демонстрацию своего «этнического» на внутрорегиональном уровне, но на общероссийском и международном – оно представляется «уникальным», важнейшим в представлении региона.

4. Поволжье как более крупный регион места проживания слабо отражен в символической системе идентичности жителей Мордовии.

Список литературы

1. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
2. Жаде З.А. Российская идентичность как многоуровневая структура [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elcom.ru/~human/2008ns/07jza.htm> (дата обращения: 11.02.2015).
3. Петров Н. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и регион. идентичности в России / под ред. Т. Хопф. СПб.: Летний сад, 2003. 256 с.

4. Назукина М.В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России // Регионология. 2011. № 4. С. 12–18.
5. Туровский Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 139–173.

Получено 01.03.2015

References

1. Guboglo, M.N. (2003), *Identifikaciya identichnosti: E'tnosociologicheskie ocherki* [Identification identity: Ethno-sociological essays], Nauka, Moscow, Russia, 764 p.
2. Zhade', Z.A. (2008), “*Russian identity as a multi-level structure*”, [Online], available at: <http://www.elcom.ru/~human/2008ns/07jza.htm> (Accessed 11 February 2015).
3. Petrov, N. (2003), “Formation of regional identity in modern Russia”, in Xopf, T. (ed.), *Centr i regional'nye identichnosti v Rossii* [The center and regional identities in Russia], Letnij sad, St. Petersburg, Russia, 256 p.
4. Nazukina, M.V. (2011), “Structural levels of regional identity in modern Russia”, *Regionologiya*, no. 4, pp. 12–18.
5. Turovskij, R.F. (2003), *Sootnoshenie kul'turnyx landshaftov i regional'noj identichnosti v sovremennoj Rossii* [Correlation of cultural landscapes and regional identity in modern Russia], Gelikon Plyus, St. Petersburg, Russia, pp. 139–173.

NATIONAL, ETHNIC AND REGIONAL IDENTITIES OF INHABITANTS OF MORDOVIA (BASED ON APPLIED RESEARCH)

Anna S. Soldatova

*Autonomous non-profit organization Center of science, analytics, educational and social technologies “Scientific resource”, 30 Kovalenko str., Saransk, 430013, Russia
E-mail: anasoldatova@mail.ru*

Evgeny V. Shirmanov

*Ogarev Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya str., Saransk, 430005, Russia
E-mail: ev-gen.shirmanov@mail.ru*

The article contains the results of applied research – materials of focus groups, held in the Republic of Mordovia in November 2014. Territorial identity of the region’s inhabitants is considered, the ratio of national, ethnic and regional levels is analyzed. The authors conclude that the level of identity “we are the citizens of Russia” is more important than other identity levels. Volga region is poorly reflected in the symbolic system of the Mordovia inhabitants identity. “Ethnic” (Mordovian) is the basis for the regional identity of the inhabitants of the Republic of Mordovia, including Russians and people who have moved into the region.

Key words: identity; national identity; ethnic identity; regional identity; symbol; symbolic politics; brand; logo; vernacular region; territory; region